

ДИСКУССИИ

УДК 398(=511.1)

А. А. Сурво, В. Э. Шарапов

«ЗАБЫТЫЕ» ТЕКСТЫ, ПОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ И ФИННО-УГОРСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*

При обсуждении проблематики полевых этнических исследований внимание, как правило, акцентируется на предполагаемой достоверности и объективности архивных отчётов, терминологических дискуссиях и теоретизировании по поводу корректности взаимоотношений «исследователя» и «информанта». В то же время широкий спектр контекстуальных и внеконтекстуальных взаимосвязей исследований (собственно научные тексты и их научно-популярные вариации), основанных на том или ином полевом материале, не говоря уже о текстах, представляющих собой новые уровни семиотизации и строящихся, преимущественно, на отсылках к другим научным работам, представлен в совершенно разнородных и, особенно, «забытых» текстах.

Ключевые слова: тексты, традиционная культура, семиотика, этнография, финно-угорские народы.

Понятие «забытого» текста отсылает нас к работам Ю. М. Лотмана, посвященным рассмотрению структуры семиотического пространства [5, 8]. Человек той или иной культуры реализует поведение, предписываемое определенными нормами, ибо отклонение от нормы не имеет значения, оно нерелевантно, оно просто *не существует*, хотя практически имеет место. Созданная таким образом картина мира будет восприниматься как реальность современниками и последующими поколениями, формирующими свои представления о прошлом на основе подобных текстов [7]. Когда целые пласты маргинальных, с точки зрения данной метаструктуры, явлений культуры никак не соотносятся с ее идеализованным образом, они объявляются «несуществующими». Если исследователь пытается разобраться в прошлом, не принимая на веру сложившиеся стереотипы, то он сталкивается с «забытыми» текстами. Поэтому, начиная с работ культурно-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573. «Поля несуществующего» неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

исторической школы, любимым жанром многих ученых являются статьи под заглавиями «Неизвестный поэт XII века» или «Об еще одном забытом авторе эпохи Просвещения». Иначе говоря, на метауровне культуры происходит семиотическая унификация, а на уровне описываемой семиотической «реальности» кипит разнообразие тенденций*.

Наименее известные, ранее не востребованные тексты (прежде всего, опубликованные и неопубликованные записи) имеют особую онтологическую ценность в понимании характера взаимосвязей между «субъектами» и «объектами» полевых изысканий. Применительно к рассматриваемой теме представляется плодотворным анализ «забытых» текстов как области пересечения языковых пространств [5. С. 7, 14] и как одновременно «примарных» и «секундарных» речевых жанров, если следовать классификации М. М. Бахтина [2]. Полевые записи относятся к «секундарным» речевым жанрам, будучи вторичными по отношению к языковой реальности «поля». Но они же первичны по отношению к более структурированным научным текстам, для которых становятся базовой реальностью.

Периферия «забытых» текстов служит адаптивной средой, способствующей взаимному пересечению плана выражения и плана содержания (в том числе) культурологических текстов, что условно можно определить как «чисто теоретический» и «чисто описательный» («мир знаков» и «мир фактов») [8. С. 401]. Аналогичные дефиниции присутствуют в работах других исследователей, обращающих внимание на взаимодействие «фактической» действительности с «символической»: противопоставление «символа» и «знака» в тексте Э. Лича [4], соотношение «ритуала» и «события» у А. К. Байбурина**, «мышления» и «понимания» у А. Ф. Лосева***,

* Процесс «забывания» иллюстрируется судьбой собственно семиотических текстов: «Больше нечего добавлять, можно только повторять и множить. [...] семиотика представленной программы несет печать явной усталости – в данном случае – усталости от содержания произведений М. М. Это содержание становится несущественным, повторяющим узор одного и того же приема. Очевидно, усталость наступает от ощущения исчерпанности внутренней формы произведения, ощущения, что все-уже-сказано и сказано слишком хорошо, чтобы нам тут что-либо оставалось делать. Остается посмотреть извне на «технологии ума», на то, как «может быть сделана и функционирует этико-рациональная позиция мышления». Это поиск того же самого всюду, – даже не поиск, а полагание и усмотрение. То же самое – это инсценировка одной и той же пьесы, и остается увидеть расстановку персонажей». Цит. по: *Калиниченко В.* Уставшая семиотика или Позиция Чужого к текстам Мамардашвили (реплика на статью Сергея Агафонова «Позиция Чужого в текстах М. Мамардашвили») // *Логос.* 1999. № 4. <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_06/1999_6_15.htm>.

** Работа озаглавлена как «Ритуал: между биологическим и социальным» (в Сб. статей «Фольклор и этнографическая действительность». СПб.: Наука, 1992); если использовать определение Э. Лича: «между биологическим и выражающим/выражаемым».

*** «Мышление и понимание – принципиально различные сферы сознания: Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново перекраивает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было. Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный,

классификация форм критики на «университетскую» и «интерпретативную» у Р. Барта [1], выделение практического и символического значений религиозных обрядов в книге Э. Б. Тайлора «Миф и обряд в первобытной культуре» [12], понимание «истории» как «*res gestae*» и «*historia rerum gestarum*» Б. А. Успенским* и т. п.

Осмысление причин фиксирования именно тех или иных фрагментов «поля» в письменном виде и иконических образах дает возможность понимания внутренней логики научной мифологии, способствующей формированию научной идентичности авторов и обретению ими связи с историей той или иной дисциплины. В этом контексте тема «поля» имеет доминантную и константную значимость, усиливающуюся в маргинальных ситуациях (дез)актуализации теоретической базы изучения так называемой народной культуры, что может сопровождаться и по-своему провоцироваться, например, сменой исследовательских генераций: уходящее поколение представляет собой тех, кто «был в поле», а возможности новичков вкусить прелести полевого путешествия не очевидны – с разными вариациями, когда «поле» замещается «архивом», «школой» и т. п.

В «Китайской энциклопедии» Х. Л. Борхеса перечисленные явления «размещены» в настолько различных смысловых плоскостях, что, как отмечает М. Фуко, невозможно найти «общее место», область пересечения [15. С. 29]. Областью пересечения между формой классификации и ее содержанием, намекающей на смысл абсурдного соседства неисчислимых животных; животных, нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; животных, только что разбивших кувшин, и т.д., является сама «энциклопедия». Борхесовская классификация – аллюзия структурообразующих «цивилизованных» текстов. «Общее место», «операционный стол», изъятие которого искусно замаскировано стремлением к упорядочиванию фактов, в стремлении к объединению в некую целостность, в единую систему совершенно разнородных явлений в виде энциклопедий, классификаций, типологических рядов, научных серий, сетевых ресурсов и пр. «энциклопедий». Для того чтобы увидеть название книги, надо ее закрыть.

Для пишущей культуры «энциклопедические» тексты – самооценność (по крайней мере, на протяжении некоторого периода, до смены научной парадигмы), с чем связано отсутствие внутрикультурной рефлексии по поводу их амбивалентной центральности/периферийности и включенности во взаимоотношения между магическим и цивилизирующим восприятиями действительности**.

каковым, несомненно, является мышление». Цит. по: Лосев А. Ф. Структура и хаос. М.: Мысль, 1997. С. 48.

* Б. А. Успенский отмечает, что термин «история» имеет, как минимум, два значения. Этим понятием может определяться и совокупность событий (*res gestae*), и своего рода нарративный текст, повествование о происшедшем (*historia rerum gestarum*). См.: Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 10, 45, 46.

** А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко рассматривают магию и цивилизацию в качестве альтернативных стратегий человеческого бытия, причем ни та, ни другая не проявляются в чистом виде. Магия манифестирует синкретичность культуры и стремление человека минимизировать количество знаковых форм. Цивилизирующее влияние, напротив, ра-

В рутинизированной магии наиболее высоких симуляционных уровней [16. Р. 10–17], представленных базовыми текстами пищи культуры, – попытки преодоления дискретного описания и восприятия действительности («абстрактные эзексисы энциклопедистов»*), копирующие магический холизм. Природа этих текстов неоднозначна, наряду с рациональным, они также имеют религиозно-магический характер**. Появление энциклопедий и других «обзорных трудов» свидетельствует о двойственном процессе экспансии магии в цивилизацию и упорядочивания этой экспансии, подавления ее новым витком цивилизирующего строительства***.

Ю. М. Лотман пишет: «Исследователь культуры XX в. с любопытством наблюдает, как в эпоху, когда географический резерв земных территорий был

ционализирует действительность дискретным образом, и непосредственное, магическое, восприятие мира сменяется преобладанием цивилизующих форм, рутинизированной магией (религия, искусство, наука, философия и т.п.). Таким образом, магия оказывается отторгнутой на периферию культуры, но кризис цивилизации освобождает место для экспансии магии. См.: *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 267–271.

* «Следы упорного труда, особенно в ночные часы, заметно отпечатались на их лицах. Необычайное расширение мирового пространства увеличивало поле их деятельности, требовавшее научной организации и обозримости. Справиться со всем этим было бы невозможно, если бы не удалось упростить гениальнейшим образом методику и практику использования достигнутых научных результатов. Энциклопедическая классификация стала всеобъемлющей и охватывала даже мелочи. Новое мышление, наметившееся уже к началу двадцатого века, характеризовалось практической взаимосвязью рационального с абстрактным. К этому добавлялось то, что регистрация и статистика данных обеспечивались в высшей степени думающими машинами. В подземных библиотеках и архивах, где хранились картотеки, осуществлялся кропотливейший титанический труд. Однако существовали довольно темные инстанции, вроде Координатного ведомства, определявшего в системе координат местонахождение любой точки, любого предмета на земном шаре. [...] В ведомство непрерывно поступали отовсюду разные сведения и, логически препарированные, оседали в его картотеках. С ростом архива росла и власть. План зиждился, как и все прикидки мавретанцев, на совершенно примитивной идее, рассчитанной на то, что они лучше других знают правила игры. В принципе это был триумф аналитической геометрии. Они знали, чем определяется власть в пространстве, лишенном качественной характеристики и поддающемся учету в системе координат. Они знали, что индексирование черепов таит в себе опасность, и держали эти данные про запас.

У них было оружие против любой теории, и они знали, что там, где все дозволено, можно все и доказать. Но право выбора действия они оставляли за собой. У себя в ведомстве они протезировали подобно гелотов – бессловесным рабам, любившим порываться в пыльных папки, поощряли и женские кадры, не проявлявшие особой инициативы, зато обладавшие большой интуицией». Цит. по: *Юнгер Э.* Гелиополь. Ретроспектива города. СПб.: Амфора. С. 44–45.

** М. Фуко делает (не)двусмысленную оговорку насчет борхесовской «энциклопедии»: «перечисление <...> обладает магической силой». См.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 28.

*** На научном жаргоне массивные «эпохальные» труды по-русски называются «кирпичами».

исчерпан, внекультурное пространство было сконструировано в подсознании индивида, что представляло собой часть общего поиска хаоса внутри культуры. Одновременно от марсиан Герберта Уэллса до современных «космических одиссей» протягивается возобновленный цикл – враждебный античеловеческий мир переносится в космос по всем законам мифологических представлений» [6. С. 10]. С открытием всех возможных новых территорий осталась привычка выдумывания «полей», на которых можно ставить постмодернистские опыты или просто продолжать применять лекала модерна, делая вид, что действительность, в которой пребывают сами субъекты изучения, можно оставить вне экспедиции или за порогом архива*. Конечно же, есть еще множество «неизвестных» текстов, которые будут найдены, записаны и выложены в сети, однако дело по большому счету в инерционном использовании теорий и методов, утративших актуальность и применяющихся в безопасных для интерпретаторов зонах отсутствия обратной связи с объектами изучения – такими же безответными, безликими, не имеющими коллективной «самости» (или не способными о ней заявить, кроме как через исследователя), не имеющими возможности и потребности в критике текстов о себе, как некогда «носители фольклора», напротив, сегодня обретшие и востребовавшие эту возможность**.

* Каждому исследователю-полевiku знакома ситуация, когда в его неторопливую беседу с информантом «о старинной жизни» неожиданно вторгается жизнь настоящая, заставляя информанта включаться в нее и безнадежно отрывая его от беседы. Сам исследователь обладает гораздо меньшей способностью (да и желанием) «включиться» в происходящее событие, разве что увидит в нем какие-либо элементы ритуального или игрового поведения (а это часто зависит не столько от события, сколько от искушенности исследователя). Чем более «бытовым», повседневным покажется событие исследователю, тем меньше шансов, что оно вызовет его интерес. См.: Христофорова О. Интерпретация социального дискурса: от «социальной механики» к «культурной семантике» // Исследования по народной религиозности: современное состояние и перспективы развития. <<http://www.eu.spb.ru/ethno/science/conf2002.htm>>.

** «До наших исследований к теме верований народа манси обращались неоднократно, однако это были представители некоренных народов, а люди иной, отдаленной культуры. Им не удалось глубоко проникнуть в стройную систему верований народов манси и ханты. Они наших духов-предков в своих работах просто-напросто называют «идолами» или, усиливая краски, – «бездушными болванами». Весьма вероятно, они не разобрались в существе нашей веры и отнеслись непочтительно к ней. Они не усвоили того, что мы поклоняемся нашим выдающимся предкам, которые заслужили низкий поклон за выдающиеся дела при жизни. За что и были одухотворены своими потомками после смерти». Цит. по: Ромбандеева Е. И. Душа и звезды. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993. С. 9.

«...в XIX в. [финляндские] этнографы говорили о карелах как о «детях», детях природы, менее цивилизованных, чем финны, сентиментальных и неспособных к логическому мышлению. Почти то же говорили о карелах и русские. [...] Местные музеи с точки зрения проблематики «своего» и «чужого» являются более интересными, чем государственные этнографические музеи, в которых всегда представлено официальное понимание истории. В таких местных музеях наглядно отражается напряжение между «своим» и «чужим». Вне зависимости от эпохи некоторые черты приобретают отпечаток

Определение этничности, религиозности, инаковости и иных нематериальных «объектов» изучения происходит сегодня нередко за пределами собственно научного сообщества, в более модных дискурсах. Научный дискурс уже/еще не всегда имеет привычные идеологические установки, ранее позволявшие авторам текстов подтверждать мифологемы и идеологемы своих языковых пространств или же ставить их под сомнение, чем оправдывается (вос)производство текстов так называемой пишущей культуры*. Познавательная ценность научно-популярных сентенций не в фактическом материале, но в его интерпретационном, знаковом аспекте, когда пробел, возникающий между фактологическим минимумом, которым владеют интерпретаторы, и предлагаемыми ими обобщениями заполняется фольклорно-этнографической экзотикой. В метаязыковом смысле речь идет о базовых аспектах взаимоотношений «центров» и «периферий», рефлексия чего усложняется уже тем, что на роль семиотических «центров» в финно-угорском пространстве, наряду с Финляндией, сегодня претендуют Эстония и Венгрия.

«своего», их принимают частично как свое прошлое, частично как свою этнически-национальную (или государственную) общую картину. Другие черты обходят молчанием, и они предаются забвению, что также являлось одним из средств упрочения власти.

Работа любителей-этнографов крайне важна. Я также убедилась в том, что этнография как наука может приносить пользу их работе, ибо благодаря ей достигается многоголосие, многомерность понимания этнической идентичности. Нужно пересмотреть принципиальные установки этнографической теории и методологии, гарантируя право заниматься собирательской и исследовательской деятельностью не только академическим ученым, но и любителям, как «своим», так и «чужим». Цит. по: *Хейккинен К.* Как этнографическая активность творит «своих» и «чужих» // «Свое» и «чужое» в культуре: Сб. научных статей / Отв. ред. В. М. Пивоев. Вып. 2. Петрозаводск: ПетрГУ, 200. С. 122–128.

«Приступая к анализу приведенных понятий, отметим, что адекватное отражение сущности терминов, связанных с жизненными силами человека (так называемыми душами), через посредство иного метаязыка – чрезвычайно сложная задача. Видимо, поэтому давно дискутируется, но все еще остается открытым вопрос о количестве и функциях «душ» у обских угров, а также о понятии «душа». Цит. по: *Молданова Т. А.* Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. С. 19–20.

«Представители коренных групп могут требовать себе право сами написать описания и составить анализ своей культуры, опровергая инокультурных ученых и отталкивая их на познавательном уровне на второй план. Но и ученые сами стали осознать неприлегированность чистых научных знаний в отношении подхода коренных жителей к культуре. На этнографическую науку не смотрят как форум эпистемологической правды, которая возвысится над жизнью, а как на дискурс». Цит. по: *Леетэ А.* Об источниках традиционных знаний // Семиозис и культура. Сб. статей. Сыктывкар, 2005. С. 204.

* Ж. Бодрийяр, говоря об иллюзии производства, особо оговаривает роль гуманитарных наук в воспроизводстве симулякров современной культуры: «Первой ударной волной этого перехода от производства к чистому воспроизводству оказался май 1968 года. Первым оказался затронут университет, и прежде всего гуманитарные факультеты, потому что там стало особенно очевидно (даже и без ясного «политического» сознания), что там ничего больше не производят, а только лишь воспроизводят (преподавателей, знания и культуру, каковые сами становятся факторами воспроизводства системы в целом)». См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 86.

Переиздание научных трудов, давно ставших классикой и потому уже редко востребованных; рукописей, не принявших участия в формировании этой классики, и ранее «несуществовавших» архивных материалов не столько диахронная «точка зрения» на прошлое, сколько пребывание «во/вне» – в области пересечения модерна и премодерна [3]. Само обращение к «забытым» текстам можно рассматривать и как средство оправдания модерна, и как попытку преодоления линейности модерна цикличностью научной риторики*. «Новые» авторы «забытых» текстов (их переиздатели, интерпретаторы), «идя по нитке событий с конца к началу»**, возвращаются в «начало» модерна. С виртуализацией «полей» деление на цивилизованный и дикарский миры происходит в текстовом и сетевом пространствах, и соответственным образом расставляются точки над «i», когда интерпретаторы определяют конструируемые ими объекты изучения как «наивных читателей», «наивное письмо», «наивный текст», полемизируют с объектами изучения, даже претендуют на роль проповедников и интерпретаторов религиозных текстов, которые «наивные читатели», естественно, понимают неправильно: тексты, согласно прежней парадигме считавшиеся «научными», теперь объявляются «произведениями» и т.п. [10, 11, 16]. *Native* заменяется на *naïve*, что если не основной, то, по крайней мере, один из наиболее существенных признаков возврата к «началу» модерна (к премодерну?). Процесс настолько многогранен, что замена *native* на *naïve* может иметь и нерелексированный, и нарочитый, и амбивалентный характер***.

* «Единственное средство искупить грех письма – уничтожить написанное. Но сделать это может только автор; хотя разрушение оставляет нетронутым самое главное, я могу так плотно связать отрицание с утверждением, что перо мое будет стирать по мере своего продвижения вперед. В этом случае оно будет действовать, одним словом, так же, как обычно действует «время», которое от своих умножающихся построек оставляет лишь следы смерти. Я полагаю, в этом и заключается тайна литературы, и книга может быть прекрасна, только если ее искусно украшает безразличие руин. В противном случае пришлось бы возопить до того громко, что никто не вообразит себе, чтобы мог выжить столь наивно надрывающий горло». Цит. по: *Батай Ж.* Ненависть к поэзии: Романы и повести. М.: Ладомир, 1999. С. 388–389.

** «Идя по нитке событий с конца к началу, наконец, удалось добраться до того истока, от которого пошли все события». Цит. по: Булгаков М. Мастер и Маргарита. <<http://lib.ru/BULGAKOW/master.txt>>.

*** Самоописательность «наивизирующего» дискурса прекрасно иллюстрируется тем, что конструирование «наивных дикарей» имеет место и внутри собственно научной среды. Клише «в такой-то стране нет науки», звучащее крайне некорректно, в публикуемых научных текстах обставляется оговорками, скрывающими смысл утверждения, но оно звучит, подчас буквально, в кулуарных беседах (в качестве и субъекта, и объекта описания в зависимости от наблюдавшихся ситуаций могли быть, например, и российская, и финляндская, и эстонская стороны). Нередки и случаи «автонаивизации», служащей средством культурно-идеологической экспансии. Из анонса передачи русской службы Radio Finland, посвященной Карельскому перешейку: «Сегодня мы поговорим о Карельском перешейке, который финны считают по праву принадлежащим финно-уграм, но у российской стороны другое мнение» (21.01.2006). Если называть вещи своими именами, то речь идет, по-русски говоря, о «развесистой клюкве». В самом обсужде-

Смысл воспроизводства научных текстов в их внеконтекстуальных взаимосвязях; в том, какой метаязыковой смысл им придается составителями сборников, инициаторами сетевых ресурсов, собирателями «фактов-статей», читателями*. Интерпретация как «живая вода» сказок дает смысл набору фактов, скрепленных «мертвой водой» коллекционирования. Деление печатных и, что особенно актуально, сетевых ресурсов, представляющих собой современную «китайскую энциклопедию», на «живые» и «мертвые» все же условно и, по сути, было бы крайне поверхностным. Согласно теории «семиотических шумов» [9], как раз отсутствующее, неявное в тексте представляет наибольший интерес, чрезвычайно информативно для интерпретатора, провоцируя его на поиск скрытых смыслов. Маргинальные тексты, будучи исключенными из официальных дискурсов и уже/еще не обусловленные «цивилизующими» симуляциями, обладают особым интерпретационным потенциалом. Тексты формально выстраиваются в диахроническую иерархию, но в содержательном плане синхронно сопresentствуют в смысловых пространствах, подтверждая обоснованность общепринятых объяснительных моделей, частично противореча им или манифестируя альтернативные, отторгнутые, потенциальные интерпретации.

В индоевропейских языках глагол «*znati*» указывает на некую трансцендентальную истинность, а «*vedati*» на знание очевидца [13. С. 308]. «Произведения» манифестируют амбивалентность, (псевдо)фиктивность «несуществующего». Даже этимологически «произведение» (от *vedati*) соответствует периферийному значению «несуществующих» текстов в качестве источников фактов и свидетельств очевидцев, которые становятся объектами изучения для носителей «научного знания», претендующих на обладание истиной, правда, лишенной трансцендентного. Однако ситуация не столь однозначна. Экспансия магии присутствует и здесь, подчас более чем явным образом, сближая «произведения»

нии «несуществующей» проблемы территорий нет ничего нового, но маркировка этой проблемы в качестве «финно-угорской» является откровенным новшеством, как и то, что о покинувшем перешеек местном населении говорилось как об отдельных финно-угорских племенах («финны и карелы»). Казалось бы, к чему такие натяжки и явно надуманные интерпретации? Дело в том, что на следующий день передача транслировалась на Сибирь. На фоне подобных текстов, периферийных для официального и научного дискурса, становятся понятными и подспудные причины тенденциозности финляндских СМИ в интерпретации событий в России, и то, что имеет место попытка конструирования в финно-угорском информационном пространстве определенной аудитории. Семиотический «резерв неправильностей» (См.: Лотман Ю. М. «Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...» // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 450) также оттенялся уровнем владения русским языком ведущей радиопередачи. Обычно на радио и телевидении дикторами иноязычных новостей и передач работают *nativ*, но Россия явно необычный случай, и в пропагандистском спектакле *native* вряд ли можно доверить роль *naiv*.

* Сборники научных статей нередко имеют произвольное содержание. С не меньшим успехом их можно приурочивать к любой тематике, к любой юбилейной дате, лишь изменяя название на обложке, «секундарный речевой жанр».

с «научными трудами»*. «Произведения» становятся «культурными диалектами», средствами самоописания научного дискурса.

В русскоязычном резюме сборника научных статей «Карелия. История, народ, культура», изданном в 1998 г., стилистических, смысловых и грамматических ошибок не намного меньше, чем слов. Резюме начинается: «В начале произведения (т.е. “сборник научных статей открывает текст”)...». Издание (и серия, которой оно принадлежит) имеет метаязыковое значение. Цель его в том, чтобы обобщить и структурировать для финляндской аудитории, а через резюме донести до зарубежных читателей весь комплекс финляндских представлений об «истории, народе и культуре (все в ед. ч.) Карелии» и, особенно, проблему территорий, утраченных в результате Великой Отечественной войны. И вдруг такая оплошность. В переводческих курьезах проговорен смысл научного труда. Ошибки – живой язык, «резерв неправильностей», так же как и настоящее «начало произведения»**. Лаконичное вступление редакторов, на которое большинство читателей вряд ли обращает внимание, начинается словами: «В 1991 г. вышел в свет труд “Ингрия. История, народ, культура”, изданный Обществом Финской Литературы. Затем с тем же подзаголовком был издан сборник статей, посвященный Эстонии. Теперь предлагаемая читателям книга дополняет своеобразную племенную трилогию» [17. С. 9]. Из дискретности, внешней симметрии научного дискурса прорывается асимметрия «произведения», в подтексте – «племенная трилогия». Очередная (пост)модернистская симуляция или что-то иное? Вопрос открытый, проблема интерпретации.

* Научные интерпретации, связанные с проблематикой народной религиозности, сегодня нередко ангажированы религиозной и магической риторикой, что говорит о неопределенности различий между субъектами и объектами исследований. Подчеркнуто знаковый характер имеет, например, мода на использование ключевых религиозных понятий и, в том числе, написание их с заглавной буквы (так же как и «прописное» бытование этих же понятий в предшествующие десятилетия), намеки авторов на их близость к ритуальной сфере, дифференциация знахарей и шаманов на «настоящих» и «шарлатанов», когда критериями истинности, видимо, обладают сами исследователи, и т.п.

** В начале про-из-ведения: «префикс про- «задает» идею движения вперед, сквозь-через». См.: *Топоров В. Н.* О понятии места, его внутренних взаимосвязях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *Язык и культура: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)* / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 88.

Ср. с названием этнографических заметок С. Паулахарью. Это научно-популярное «произведение» является одним из прообразов современной «племенной трилогии», очередного про-движения: «Картинка оттуда, другая отсюда. Через (всю) Великую Финляндию». См.: *Paulaharju S.* Kuva tuolta, toinen täältä. Kautta Suur-Suomen. Helsinki: Kirja, 1919. Положение Финляндии и других претендентов на «центры» финно-угорского мира – патовое: географическая и, во многом, идеологическая расположенность на «западе», но корни – на «востоке».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барт Р. Две критики // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Загребин А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 3–8.
4. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 144 с.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
6. Лотман Ю. М. Вместо предисловия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 246 с.
7. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 246 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. 768 с.
9. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. С. 557–568.
10. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
11. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50. Wien, 2001. S. 115–144.
12. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
13. Трубачёв О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X международный съезд славистов. М., 1988.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.
15. Baudrillard J. Simulacres et simulations. P.: Éditions Galilée, 1981.
16. Haffner P. Should We Cut Off the Hands of Thieves? // George Weber's Lonely Islands: The Andamanese <<http://www.andaman.orgbookreprints/haffnerrep-haffner.htm>>
17. Nevalainen P., Sihvo H. Teoksen saatteeksi // Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Toim. P. Nevalainen, H. Sihvo. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 705. Helsinki: SKS, 1998.

Поступила в редакцию 2.10.2014

A. A. Survo, V. E. Sharapov

“Neglected” Texts and Field Practice of the Finno-Ugric Ethnography

When discussing the issues of the field of ethnic studies, attention usually focuses on the perceived credibility and objectivity of archival reports, terminology discussions and theorizing about the correctness of relations between the researcher and the informant. At the same time, a wide range of contextual and uncontextualised relationships research (the scientific texts and their scientific and popular variations) based on a particular field, not to mention the texts that represent new levels of semiotization and built mainly on references to other scientific works presented in a completely heterogeneous and, especially, of neglected texts.

Keywords: texts, traditional culture, semiotic, ethnography, Finno-Ugric peoples.

Сурво Арнольд Абрамович,

доктор философских наук, доцент,
Хельсинкский университет
FIN-00014, Хельсинки
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

Шарапов Валерий Энгельсович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: sharapov.valerij@gmail.com

Survo Arno,

PhD, Docent,
University of Helsinki
FIN-00014, Helsinki
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

Sharapov Valerij Engelsovich,

Candidate of Science (History), Leading Research Associate,
The Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre
of Ural Branch of the Russian Academy of Science
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: sharapov.valerij@gmail.com